

Своеобразие образа пространства в пьесах драматургов тольяттинской школы (на материале творчества Вячеслава и Михаила Дурненковых)

Сизова Мария Ивановна

Студентка Самарского государственного университета, Самара, Россия

«Новейшая драма» была рождена в режиссерском театре как новая концепция видения мира, возникшая в последние десятилетия двадцатого века. Стимулом к ее возникновению послужили социальные преобразования, перевернувшие привычное существование людей и заставившие их по-другому взглянуть на устоявшиеся ценности. Иными словами, «новейшая драма» – ответная реакция человека на современное состояние мира и свое существование в нем.

Современные литературоведы и критики обычно выделяют три главных центра «новодраматического» движения – Екатеринбург, Москву и Тольятти.

Как известно, московская школа драматургии сосредоточена главным образом вокруг театра ДОС и центра Рощина и Казанцева, екатеринбургская связана с театром Николая Коляды, а тольяттинская школа, о которой пойдет наше дальнейшее повествование, возникла на базе экспериментального театра «Голосова, 20» и более 10 лет собиравшегося в Тольятти фестиваля искусств «Майские чтения». Руководителем студии, арт-директором и вдохновителем «Майских чтений», а также идеологом и в своем роде «патриархом» (так его именует «новодраматическая» критика) тольяттинской школы стал драматург Вадим Леванов, наставивший на драматургический путь Вячеслава и Михаила Дурненковых и Юрия Клавдиева. Это наиболее известные представители тольяттинской драматургической школы, существование которой признано всеми представителями «новодраматического» движения и окончательно было узаконено весной 2007 г., когда в рамках традиционного тольяттинского «Международного театрального фестиваля на Волге» прошел в виде своеобразной инсталляции фестиваль «Новой драмы», представивший пьесы тольяттинских драматургов на сценах московских театров. Братья Дурненковы (пишущие и вместе и порознь), Клавдиев, Леванов сегодня знаковые фигуры «новой драмы» наряду с братьями Пресняковыми, Угаровым, Сигаревым, Вырыпаевым и другими. Правда, сегодня только Леванов по-прежнему остается тольяттинским жителем. Дурненковы обитают преимущественно в Москве, Клавдиев – в Петербурге. Но во всех своих интервью они клянутся в неразрывной связи с Тольятти, заявляя, что именно этот странный, необычный город сформировал их как художников. И связь эта выражается, в первую очередь, в формировании тольяттинского «городского текста», который по-разному реализуется в творчестве каждого из тольяттинских драматургов.

В пьесах братьев Дурненковых пространственные образы скорее архетипичны и могут быть объединены в две большие группы:

– Деревенское пространство (в пьесах Вяч. Дурненкова «В черном-черном городе» и «Ручейник»);

– Городское пространство: небольшая квартира, парк, сквер, дом престарелых, театр (в пьесах Вяч. Дурненкова «Mutter», М. Дурненкова «Красная чашка», «Культурный слой», Вяч. и М. Дурненковых «Кто-то такой счастливый», «Супротив человека»).

Причем каждый вид пространства прямо или косвенно соотносится с возрастом героев. Городское пространство – это в основном место, в котором действуют молодые люди, носители творческой потенции, раскрывающейся под давлением обстоятельств (стресса, несчастья) или же в процессе душевной беседы («Культурный слой»). Шок позволяет повернуть их сознание, возродить в них определенный культурный слой, который не был использован в полной мере. Пробуждение или, лучше сказать, прорыв в иной мир является символическим освобождением и очищением.

Особый вариант этой безграничной замкнутости обнаруживается в пьесе «В черном-черном городе». Письмо бабы Мани, своеобразно повествующее о

привязанности человека к земле, с одной стороны, отражает в себе вековую традицию русской литературы, а с другой – является выражением позиции лирического героя, говорящего о главном новым языком с новой лексикой и новым понятийным рядом. (*Чужое киберпространство, чужой культурный пользователь, форматировать видимый ландшафт, инсталлировать яблони, грузятся околицы* [Дурненковы: 216]).

Иным является пространство природы, изначально более гармоничное, но и менее упорядоченное. В природном или деревенском пространстве существуют люди пожилые, много повидавшие на своем веку и потому наделенные житейской мудростью (дед в «Культурном слое», Илья Сергеевич в «Ручейнике»), а также дети как носители высшей истины (дети Дима и Оля «В черном-черном городе»).

Однако между пространством города и природным пространством порой нет четкой границы: они как бы смешиваются, рассыпаются на отдельные части и складываются заново непонятным образом: *Очнулся я в тенистом городском парке на детских качелях. Какое-то время я не мог видеть, предметы расплывались, но самые таинственные перемены произошли со звуками, они как будто слились в один мультипликационный звукоряд, словно сотни Чебурашек разом жаловались на свою судьбу* [Дурненковы: 67].

Несмотря на отсутствие границ, возникает ощущение замкнутого пространства, которое не выпускает героя, затягивает. Оно становится единственно возможным для существования.

Пространство – обывовленное скопище мелочей, связывающих героя и составляющих смысл его существования. Порой пространство может нести гибель (взрыв в квартире художника Саши в пьесе М. и Вяч. Дурненковых «Культурный слой»), но оно не воспринимается фатально. После взрыва жизнь продолжает идти своим чередом: в квартиру заезжают новые люди со своими проблемами, переживаниями, привычками, вокруг них формируется «новый культурный слой».

Пространство и герой зависят друг от друга. Герой, попадая в непривычные условия существования, перестраивает свою мировоззренческую позицию, а пространство, взаимодействуя с ним, приобретает индивидуальные черты человека.

Литература

Дурненков В.Е., Дурненков М.Е. Культурный слой // Культурный слой. М., 2005.